

И. В. Утехин

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПОЭТИКОЙ ЖАЛОБЫ

Материалом для этой работы¹ послужили жалобы и обращения по жилищному вопросу, которые жители ленинградских коммунальных квартир отправляли в различные инстанции в 1950–60-е годы. Советские граждане вообще, и жители коммунальных квартир в частности, писали много писем с жалобами, доносами и предложениями в органы власти, в редакции газет, партийным и советским руководителям разного уровня. Эти документы, отражающие принятый способ общения гражданина с властью², представляют собой ценный источник сведений о повседневной жизни и настроениях советских людей, о жизненных проблемах и способах их решения. Именно в этом качестве рассматривал тексты жалоб автор этих строк, когда впервые обратился к архивным материалам в поисках дополнительных данных о некоторых аспектах жизни в ленинградских коммунальных квартирах.

Архивные дела с жалобами не обманули ожиданий: там действительно обнаружились многочисленные — впрочем, демонстрирующие довольно высокую степень повторяемости — описания разного рода жилищных проблем и сложностей коммунального общежития. Обилие материала было вполне ожидаемо, ведь советскому человеку было естественно жаловаться. Не получив желаемого решения проблемы в низших инстанциях с использованием формальных процедур, не найдя правды в суде, он обращался все выше и выше, вплоть до самого верха, с жалобой на произвол бюрократов на местах. У своего адресата гражданин искал справедливого суда, понимания и сочувствия. Право на жалобу — последнее, что оставалось в самой отчаянной ситуации; во всяком случае, каково бы ни было реальное положение вещей, обращение с жалобой давало, будто в лотерее, шанс добиться искомого результата.

¹ Исследование поддержано грантом American Council of Learned Societies (ACLS).

² См. о доносах как канале обратной связи в работе: Kozlov 1996.

Однако использование материалов жалоб оказалось непростым делом: изложение жизненных обстоятельств в жалобе, как правило, несет на себе заметный отпечаток жанра. Соответственно, по поводу каждого утверждения требуется определить, зачем оно высказано и в какой степени за данным риторическим построением стоит действительное положение вещей, а где мы видим переживания, размышления и оценки автора, его предположения относительно причин ситуации и мотивов действий других лиц. В жалобе мы встречаем, таким образом, не только сведения о жизненных ситуациях, но и разнообразные способы представить жизненные обстоятельства адресату жалобы в определенном, выгодном для жалобщика свете. В этой статье мы не будем пытаться извлечь из текстов жалоб сведения о чаяниях и проблемах авторов, пробовать описать представленную в жалобах реальность или исследовать закономерности реакции властей на обращения граждан с разного рода жалобами — эти важные и заслуживающие внимания темы уже становились предметом изучения и не входят в наши задачи, да и не могли бы быть убедительно раскрыты на нашем сравнительно небольшом корпусе текстов³. Вместо того мы попытаемся рассмотреть тексты жалоб как явление советского языка, обращая внимание на риторику, на закономерности строения текста, на общие места и их возможные источники. Это не значит, однако, что мы игнорируем содержание жалобы и что конкретная историческая реальность, отраженная в жалобах, при таком угле зрения остается за скобками — просто мы обращаемся преимущественно к действительности особого рода, стоящей за языком жалобы как жанра в целом. Вездесущий жилищный вопрос представлен здесь набором типовых ситуаций, репрезентированных в тексте, и является частным случаем, одним из поводов для выяснения отношений гражданина и государства. Стоит отметить, что жалобы именно «по вопросу улучшения жилищных условий» были самыми массовыми и составляли в интересующий нас период около двух третей всех жалоб и обращений граждан, причем весьма велико было число повторных обращений (в 1967 году повторные обращения составляли одну треть от общего числа; ф. 7384, оп. 43, д. 999, л. 71)⁴.

³ Были просмотрены архивные дела, хранящиеся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), которые содержат «жалобы и заявления трудящихся» по жилищному вопросу с 1952 по 1968 год. Большая часть дел относится к фонду Ленгорисполкома (ф. 7384). Ниже мы будем преимущественно использовать тексты тех жалоб из этого массива, которые репрезентируют типичные ситуации, не выделяющиеся из общего ряда. Орфография и пунктуация оригинала сохранены, фамилии изменены.

⁴ Существенно, что массовые жалобы, представленные в просмотренных нами архивных делах, — это жалобы «простого советского человека». Люди, имевшие доступ к альтернативным, привилегированным каналам распределения благ, пользовались и иными, нежели большинство населения, каналами связи с властью. Условно говоря, еще кандидат наук и доцент пишет «как все», но академик, секретарь парткома и Герой Труда пишут иначе — и решения по их жалобам принимаются не в Ленгорисполкоме.

Специфическая компетенция автора жалобы предполагает определенное понимание устройства бюрократической процедуры и, соответственно, диктует ему, что и как следует упомянуть и описать в тексте, как изложить свои жизненные обстоятельства. Зачастую имеется нарочно конструируемый автором зазор между тем, каковы были эти обстоятельства «на самом деле», и тем, как они представлены в тексте⁵. Разобраться в реальном положении дел — а именно такая задача стояла перед адресатом жалобы (или перед тем, кому эти полномочия были делегированы) — бывало непросто, и читатель архивного дела тоже оказывается в затруднении: к жалобе чаще всего присовокуплены документы, которые могут давать свою картину действительности, отличающуюся от той, какая обрисована в жалобе. Очевидно, что кроме обращений от людей, находившихся в критической и нетерпимой ситуации бытовой неустроенности, в органы власти попадало немало писем от искателей дополнительных благ, чьи обстоятельства на самом деле не выделялись в худшую сторону по сравнению с тем, что предполагалось и считалось достаточным для людей их положения⁶.

Приводимые автором жалобы факты и аргументы, их расположение и риторическое оформление, их распределение в цепочке нескольких писем одному адресату — все это выразительные приемы, призванные убедить получателя письма в обоснованности жалобы и в необходимости принятия мер. В риторическом построении может проследиваться весьма сложный расчет, особенно в тех случаях, когда адресат непосредственно не принимает решений, но используется отправителем как авторитетная промежуточная инстанция, способная повлиять на ход дела. Такими инстанциями оказываются редакции газет, а также депутаты и государственные и общественные деятели, которые не имеют полномочий решать жилищный вопрос конкретного гражданина и потому пересылают⁷ полученные в свой адрес жалобы с просьбой разобраться и дать ответ гражданину, уведомив о решении и непосредственного адресата жалобы (скажем, редакцию газеты).

Коммуникация заявителя и адресата заявления сугубо асимметрична: ответами на письма граждан — если эти письма удостоены ответа — служат лаконичные стандартные сообщения о принятом решении или о состоянии затронутого в жалобе дела. Действия властей не выража-

⁵ Два случая, иллюстрирующих это утверждение, подробно рассмотрены в нашей работе (Утехин 2003).

⁶ Последняя оговорка означает, что поводом для обращения к властям оказываются обстоятельства, отклоняющиеся от некоторой подразумеваемой нормы раздаваемых благ. Но если для одного автора эта норма равна условной «санитарной норме» жилплощади в отдельной комнате, то для другого — в соответствии с его общественным положением — отдельной квартире с отдельными комнатами для членов семьи. В наших материалах жалобы и обращения не «простых», а «привилегированных» людей единичны, и мы на них не ссылаемся.

⁷ В наших материалах — в Ленгорисполком.

ются в сколько-нибудь подробных текстах, и если там присутствует мотивировочная часть, то она сведена до минимума. Нам, однако, доступна в архиве внутренняя кухня, от заявителя скрытая: резолюции, начертанные адресатом на тексте жалобы, справки, мотивирующие то или иное решение, тот или иной ответ. Это позволяет, в частности, судить об эффективности тех или иных аргументов.

Всеобщая грамотность автоматически означает, что любой человек может заполнить бланк или написать документ «по образцу», подобному тем, что вывешиваются в присутственных местах. Жалоба менее шаблонна и более пространна по сравнению со многими другими типами бумаг, строящимися вокруг главной перформативной формулы (вроде «прошу предоставить», «прошу зачислить»). Во всяком случае, если в ней и встречаются такого рода перформативные элементы, они требуют более или менее пространной мотивировочной части. Вообще, в отличие от ситуаций, для которых предусмотрены стандартные заявления, ситуация, порождающая жалобу, менее стандартна, больше отклоняется от нормального хода вещей. Поэтому, в сравнении с шаблонными заявлениями, формула, где жалобщик (или доносчик) просит принятия мер, по содержанию менее конкретна. Это может быть что-то похожее на «Прошу Вашего распоряжения посодействовать мне в помощи моей жизни» (ф. 7384, оп. 3, д. 50, л. 14)⁸.

Несмотря на всеобщую грамотность, свободное владение письменной речью и способность связно излагать свои мысли не являлись в советское время (и не являются в современной русской культуре) навыком действительно всеобщего распространения. В частности, потому, что значительной части населения в повседневной жизни практически не приходится встречаться с ситуациями, когда этот навык был бы востребован, за исключением ситуаций написания жалобы, заявления, объяснительной записки. Однако рудиментарное умение составить такой документ — органичная часть нашей культурной компетенции. Кто из нас не общался с начальством в письменном виде? Органичность этого навыка демонстрирует простая процедура интроспекции — для филолога или историка, работающего с текстами, отчужденными от их авторов, не вполне обычная. Попробуем провести мысленный эксперимент: предположим, нам требуется написать даже не жалобу, а — возьмем в целом более простой случай — объяснительную записку⁹.

⁸ Так начинается донос на соседку по общежитию, озаглавленный, впрочем, «Заявление». О мимикрии с целью замаскировать донос под документы других жанров посредством присвоения заглавий «Справка» или «Докладная записка» см. Kozlov 1996: 874.

⁹ В общем случае повод для написания объяснительной записки не только отклоняется от плавного и обычного, не требующего объяснений течения жизни меньше, чем повод для жалобы, но и предполагает, что, в отличие от повода для жалобы, причиной этого отклонения послужили не действия третьих лиц, а действия, за которые несет ответственность сам автор объяснительной записки.

В ходе создания такого текста живые и конкретные подробности нашей жизни — прогул или появление в пьяном виде на рабочем месте, отсутствие железнодорожного билета для отчета в бухгалтерию, случайно опрокинутая стойка в магазине или разбитая витрина в музее — вступают в определенное противоречие с формой. Нам требуется облечь это содержание, более пригодное для изложения в виде анекдотического рассказа, в формулы канцелярского языка, позволяющие отнести наш конкретный опыт к некоторой категории — такой, которая однозначно интерпретируема в системе понятий адресата. Объяснительная записка дает начальнику, — которого мы можем знать лично или про которого мы можем знать только то, что он существует — основания для тех или иных действий (в частности, для списания с баланса материальных ценностей). Итак, для начала мы пишем, кому адресован документ (называем должность и имя адресата, сопровождая их указаниями на необходимые — чем эта необходимость определяется? — для упоминания регалии); далее мы пишем, от кого этот документ направляется, причем для каждого контекста определяем релевантные сведения (так, в одних случаях указываем курс и группу, в других — адрес прописки и номер паспорта), классифицирующие отправителя, с тем чтобы определить его отношение к адресату. И далее, после заголовка «Объяснительная записка», от нас требуется подобрать правильные слова, чтобы изложить обстоятельства дела, причем так, как мы считаем нужным их представить. Требуется выдвинуть аргументы в нашу пользу с неминуемой поправкой на ту систему ценностей, опираясь на которую адресат будет делать выводы. Все это более или менее очевидные вещи, но сама их очевидность и узнаваемость для современного русского человека уже показательна. Жалобы и обращения советских граждан, ставшие предметом данного исследования, принадлежат к коммуникативным ситуациям, которые отчасти позволяют охарактеризовать и наша интроспективно чувствуемая компетенция¹⁰.

Требуем комментария употребленный нами в заглавии статьи термин «поэтика». В расширительном толковании термин «поэтика» применим к специфическому исследованию не только художественных словесных текстов. В семиотически ориентированной традиции изучения культуры в качестве текста могут рассматриваться различные явления, в частности поведенческие акты, что, вообще говоря, подра-

¹⁰ Не говоря уже о том, что многие из нас сами писали жалобы и заявления в советское время, в том числе, возможно, и по жилищному вопросу. Заметим, что владение практическим искусством составления эффективных обращений к власти вовсе не обязательно предполагает знание бюрократических требований, предъявляемых к оформлению таких документов. История складывания и стандартизации этих требований уходит далеко в прошлое; в этом смысле весьма продуктивно сопоставить современные требования к оформлению заявлений и обобщенные данные о строении соответствующих текстов XVII века; см. о структуре и стиле челобитных работу: Волков 1974.

зумеает, что «текст» соотносится с некоторой системой, реализацией которой он является. Как известно, в широком смысле возможно сопоставить культуру с языком (системой), а поведение — с речью, с актуальными реализациями системы, основанными на ней текстами. Поэтика же начинается там, где наряду с базовой семиотической системой на материале текстов рассматриваются надстраивающиеся над этой системой иные, вторичные конвенции, например жанровые, а также — и прежде всего — та особенная система, которая специфична для данного текста и которая обуславливает целостность текста и отсутствие в нем случайных элементов.

Едва ли продуктивно рассматривать писание жалобы советскими гражданами как такой поведенческий текст, который стоит рассмотрения с точки зрения поэтики. Ю. М. Лотман отмечал, что применение такого подхода автоматически означало бы утверждение о том, что «определенные формы обычной, каждодневной деятельности были сознательно ориентированы на нормы и законы художественных текстов и переживались эстетически» [Лотман 1992 (1977): 248]. Возможность такой трактовки применительно к поведению советского человека, пишущего жалобу, неочевидна и уж во всяком случае нуждалась бы в детальном обосновании⁴¹. Но вот сам словесный текст жалобы, безусловно, может стать объектом анализа и с точки зрения поэтики, и, шире, как специфический дискурсивный феномен.

Дело в том, что структура текста, языковые и стилистические особенности жалоб отнюдь не напрямую вытекают из конвенций жанров деловой письменности и из функциональной направленности жалобы. Своеобразные элементы литературного творчества присутствуют в большинстве просмотренных нами текстов, и это вполне объяснимо: чтобы привлечь внимание адресата и убедить его в необходимости отреагировать, автор использует оригинальные риторические построения из доступного ему материала. В этом смысле, как ни парадоксально это может звучать, жалобы и обращения граждан отчасти сопоставимы с рекламным текстом, где проявляется поэтическая функция языка. Жалобу советского человека — наряду с доносом и некоторыми другими жанрами письменной речи — следовало бы отнести к разновидностям так называемой «наивной литературы». Наиболее явно словесное творчество такого рода присутствует в письмах властям по разным полити-

⁴¹ В рамках более широкого подхода к определению «поэтической» функции ее проявление может не иметь «эстетического» измерения в указанном Ю. М. Лотманом смысле проекции на модели, производные от художественных текстов. Так, в свое время Г. О. Винокур утверждал, что слово может быть поэтическим, не вызывая при этом никаких эмоций, в том числе эстетических, и сохраняя за собой иные функции — в частности, коммуникативную [Винокур 1982 (1923): 156]. Мы полагаем, что это утверждение справедливо не только для слова, но и для всех ситуаций, где присутствует распознаваемая коммуникантами установка на значимость формы поведения.

ческим вопросам — с рассказами о жизни, рекомендациями и критикой. В отличие от жалобы и отчасти от доноса, за такими письмами нет сугубо практического интереса. Как отмечает Шейла Фитцпатрик, «писание писем властям являлось или, по крайней мере, могло являться формой народной культуры и выражением народного творчества — в той же степени, в какой любительские театральные представления или игра на балалайке... Грань между писанием таких писем и собственно литературным народным творчеством весьма тонка, и есть основания полагать, что многие авторы-любители отказывались проводить ее» (Fitzpatrick 1996a: 93)¹². При этом жалоба и донос (и, возможно, личное письмо) могли быть теми немногими жанрами письменной речи, которыми человек владел.

Язык и стиль жалобы — а в литературе, хотя бы и наивной, не столько человек говорит языком, сколько язык говорит человеком — так вот, язык жалобы уже вторичным образом может получать эстетическое измерение. Тут вспоминаются не только известные из древнерусской литературы пародийные переосмысления челобитных и даже не позднейшие опыты эстетизации элементов советского языка в творчестве Д. А. Пригова, Льва Рубинштейна и Ильи Кабакова, а отражение наивно-литературной языковой стихии советской эпохи в языке прозы Андрея Платонова. В нашем случае попытка ближе присмотреться к устройству текста жалобы и к ее языку была спровоцирована довольно многочисленными примерами, подобными следующему: *Естественно, что живой человек думает лишь о том, чтобы добиться нормы повседневных вещей. У меня этой нормы нет* (ф. 7384, оп. 42, д. 343, л. 158)¹³. На первый взгляд наблюдаемый эффект отчасти поддается определению как специфический вид метонимии, возникающей в результате сокращения и трансформации гипотетически восстанавливаемой синтагмы, ср. также: «бытовых условий мы не имеем» (ф. 1008, оп. 2, д. 769, л. 50), «Не могу найти угла для остатка своей жизни» (ф. 7384, оп. 30, д. 50, л. 94) и уже цитированное выше «посодействовать в помощи моей жизни» (последние два примера вполне могли бы принадлежать речи кого-нибудь из персонажей Платонова). Однако автор такого высказывания, по-видимому, не рассматривал его как намеренную реализацию риторического приема и едва ли был способен восстановить эту ги-

¹² Анализируя материалы 1930-х годов, Ш. Фитцпатрик приводит примеры многочисленных писем в «Крестьянскую газету», содержащих жалобы и доносы, сопровождаемые картинками и стихами. Нам известны подобные материалы, относящиеся к городской культуре и к гораздо более позднему периоду — вплоть до 1990-х. О «наивной литературе» см., например, сборник статей Неклюдов 2001.

¹³ Рассуждения о том, что вообще свойственно человеку, по-видимому, близки повседневному трагическому мироощущению многих авторов, а не только риторике их жалобы. Ср., например: «Не совершенному организму человека присуще все человеческое. Что же присуще инвалиду; сидеть смотреть или ползать на заднице» (ф. 7384, оп. 42, д. 634, л. 64об.).

потетическую синтагму, подвергнушуюся стяжению, — он говорил именно теми словами, какие использовал в письме, потому что не умел сказать иначе¹⁴.

Необычность высказываний, подобных только что процитированым, состоит в том, что речь в них идет о жизни, человеке, счастье вообще — и одновременно об этом конкретном человеке и его жизни, в частности. В масштабе целого текста подобные соположения встречаются в жалобах сплошь и рядом, когда сначала говорится о политике партии и благосостоянии народа, а потом излагается собственная бедственная ситуация; но иногда соположение этих двух планов, выраженных разнородными стилистическими средствами, реализуется в рамках одного предложения, и тогда получаются высказывания вроде «закрепление комнаты вернет нашей семье жизнь и счастье» (ф. 7384, оп. 42, д. 1005, л. 51), отмеченные большей или меньшей степенью стилистических или семантических отклонений.

Другим фактом, подтолкнувшим нас к размышлениям о том, как устроена коммуникативная ситуация жалобы и как организованы обслуживающие эту коммуникацию тексты, стала практика направления гражданами телеграмм в адрес высоких руководителей. Оказалось, что в архивных делах отдельным жалобам и документам по их рассмотрению в разных инстанциях сопутствовали еще и телеграммы вроде следующей (на красном бланке правительственной телеграммы): *Правительственная москва кремль хрущеву Срочно примите меры жилищный вопрос Большая подъяческая <№...> квартира <...> Батракова* (ф. 7384, оп. 42, д. 343, л. 183). В лаконичном тексте телеграммы содержится приказание «срочно принять меры», сама формулировка которого характерна для делового общения вышестоящих лиц со своими подчиненными. Эта несообразность в обращении к высшему руководителю выступает в качестве пуанта, позволяет привлечь особое внимание: телеграмма сообщает о срочной необходимости остановить, зафиксировать развитие ситуации. Телеграмма, в отличие от письма, требует от властей немедленной реакции.

Подчеркнутая парадоксальность жеста (например, просьба Хрущеву о личном приеме)¹⁵ призвана продемонстрировать исключительность обстоятельств. Автор дает властям понять, что он уже пошел на крайние, отчаянные меры: *Срочная Ленинград Ф-107 председателю ле-*

¹⁴ Иллюзию такого отношения автора к собственной речи, возникающую у читателя «Котлована», точно определил Ю. Левин, отметив при этом, что авторская речь и прямая речь персонажей у Платонова практически не отличаются: «автор как бы сам не замечает ненормативности своей речи и убежден в том, что только так можно и должно говорить» (Левин 1998: 393).

¹⁵ «Правительственная Москва Кремль Никите Сергеевичу Хрущеву Прошу вас принять меня по жилищному вопросу Глазков Б. Н. проживающий Ленинград <указан адрес>» (ф. 7384, оп. 42, д. 997, л. 264).

нинградского горкома партии = прошу срочного вашего вмешательства предотвратить трагедию я и мои дети объявляем голодовку пока идет произвол <адрес, фамилия> (ф. 7384, оп. 42, д. 628, л. 24).

Показательно, что во всех трех приведенных случаях речь идет о том, что отправитель телеграммы претендует на освободившуюся в его коммунальной квартире комнату и беспокоится, что она может достаться кому-то другому; причем в первых двух случаях авторы телеграмм перед их отправкой уже предприняли, строго говоря, незаконные действия по занятию этих комнат, что на бюрократическом языке называлось термином «самозахват».

Уместность и возможность обращений на самый верх нередко становится в текстах предметом рефлексии: автор довольно часто отдает себе отчет в том, что до лица, которому адресовано письмо, оно может не дойти, что читать и отвечать будут помощники адресата — в частности, потому, что сам предмет обращения, жилищные проблемы отдельного гражданина, не представляет собой проблемы общегосударственного масштаба. Но всегда остается надежда на то, что письмо будет прочитано и самим адресатом, так что текст строится исходя из такой возможности. Поэтому в первых строках довольно многих писем авторы пытаются объяснить факт своего обращения, отвлекающего адресата от важных государственных забот, исключительностью излагаемых обстоятельств и ссылкой на то, что обращения в другие инстанции не возымели действия. Некоторым авторам (прежде всего, коммунистам, от которых ожидается проявление «сознательности»), как они отмечают, «стыдно просить». Такие сопроводительные замечания могут располагаться и в завершающей части текста (или дублировать аналогичные оговорки в начале письма), как бы обрамляя содержание жалобы¹⁶.

Чаще, впрочем, рассуждения об уместности отсутствуют, как если бы письмо вождю было самым обычным делом, или редуцируются до формулы извинения (например: «извините, что обращаюсь к Вам по жилищному вопросу»), стоящей сразу после собственно обращения к адресату. Показательно, что использование формата «шапки» документа, когда в правом верхнем углу, согласно требованиям делопроизводства, указывается кому (присутствует в «шапке» обязательно) и от кого (присутствует факультативно) направляется документ, а также чем этот документ является (жалобой или заявлением), в просмотренных материалах отнюдь не исключает того, что дальше последует обращение в формате личного письма. Варианты комбинаций здесь самые разнообразные, например: *В Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза. От члена КПСС <фамилия, инициалы>. Дорогие Никита Сергеевич и Нина Петровна!* (ф. 7384, оп. 42, д. 628, л. 157).

¹⁶ К более формальным обрамляющим элементам в начале текста относятся «шапка» (от кого кому) и заголовок (чаще всего «Жалоба» или «Заявление»); может и отсутствовать, что автоматически придает документу характер личного письма).

Обращение к адресату может включать его старательно выписанную титулатуру, быть дополнено пространными выражениями верно-подданнических чувств, уважения и любви и выглядеть, например, так: *Тов. Косыгин, я обращаюсь к Вам как к руководителю и старшему товарищу, которого уважают более 200 миллионов и все трудящиеся всего мира!* (ф. 7384, оп. 42, д. 1005, л. 269). Вот еще пример из целого раздела текста, посвященного славословиям вождю: *С днем 75-летия рождения поздравляю Вас от всего сердца дорогой отец, соратник великого ЛЕНИНА* (прописные буквы в машинописном оригинале. — И. У.), *заслуженный первый герой гражданской войны, Герой социалистического труда (хотя Вам это по ошибке не присвоено) тов. Клементий Ефремович ВОРОШИЛОВ!* <...> *Анализируя историю КПСС, убеждаюсь, что Ваша большая личная и государственная жизнь есть воплощение периода всей истории КПСС* (ф. 7384, оп. 37, д. 2065, л. 208). Фактически способ обращения оказывается и способом заодно представить себя адресату уже в самом начале письма, до того обычно следующего после обращения к адресату раздела, в котором автор эксплицитно определяет себя через факты своей биографии, через свое социальное и служебное положение.

В отсутствие такого раздела в качестве единственной — хотя бы и выраженной в тексте имплицитно — самопрезентации обращение к адресату эффективно работает в рамках способа, который практиковался пожилыми малограмотными женщинами¹⁷: в их письмах социальная дистанция иногда преодолевается выражением «родственных» чувств со стороны старшего по возрасту. Таково, например, обращение к председателю Ленгорисполкома Н. И. Смирнову: «Сынок Смирнов!» (ф. 7384, оп. 42, д. 997, л. 110.), а также такие строки в конце письма, направленного министру культуры СССР Е. А. Фурцевой: *Разрешите вас поцеловать как мать в щочку.* <...> *Приезжайте в гости* (ф. 7384, оп. 42, д. 1368, л. 189).

Как правило, однако, презентации самого себя автор посвящает более или менее обширный текст, даже когда в «шапке» документа присутствует указание на статус автора (скажем, «от гражданки СССР, служащей, члена КПСС с такого-то года, проживающей по адресу ...»). Этот раздел, длина которого может варьировать от одного предложения до нескольких страниц, так или иначе фиксирует отношение заявителя и адресата, определяя, в каком качестве автор обращается к адресату: «обращаюсь к Вам как блокадник (пенсионер, инвалид, коренной ленинградец и т. п.)». Далее заявитель нередко прибегает к изложению подробностей своей биографии, если считает их веским основанием для своей просьбы; иногда же какой-нибудь факт биографии оказывается

¹⁷ Осознание «неграмотности» текста нередко выражается в самом письме, в формулах вроде «надеюсь, что вы разберетесь в моем неграмотном письме».

представлен как повод для обращения именно к этому адресату, например: *К Вам Алексей Николаевич¹⁸ я обращаюсь потому, что много лет назад Вы, будучи на строительстве стадиона им. С. М. Кирова в Ленинграде, своими глазами видели выполняемую мною в то время работу. Работал я тогда главным инженером строительства и обходил с Вами постройку* (ф. 7384, оп. 42, д. 997, л. 393).

Но прежде всего рассказ о фактах собственной биографии, тяжелых жизненных испытаниях преследует цель показать, что заявитель достоин внимания и заслуживает получения дополнительных благ¹⁹. Годы жизни, затраченные силы и труд, здоровье, а также участие в войне, ранения, гибель родственников, потеря имущества, правительственные награды — все это вклад человека в общую копилку государства. Отдав максимум возможного государству²⁰, человек оказывается вправе рассчитывать на компенсацию, на возвращение долга и считает себя обделенным, если доставшихся ему благ оказывается меньше, чем, как ему кажется, причитается по закону (или по обычаю, или чем достается окружающим, находящимся в аналогичном или лучшем положении). Это общая логика обращений с жалобой: они призваны известить адресата о необходимости исправить ошибку в распределении благ. Ошибка вредна не только попранием справедливости, но и тем, что препятствует продолжению эффективного обмена между гражданином и государством. Вот такой текст, озаглавленный «Жалоба»: *Уважаемый тов. Н. С. Хрущев! Когда я рискуя жизнью работала в Ленинградской блокаде на лесозаготовках и других оборонных работах, я не думала, что мне когда-либо в жизни придется кланяться у Советской власти, за которую я отдавала жизнь, предоставить возможность мне в пригодной для жизни комнате и дожить остаток своих дней. <...> А жить я еще хочу и хочу приносить пользу государству, за которое я отдавала жизнь в Ленинградской блокаде* (ф. 7384, оп. 42, д. 628, л. 171).

Право на блага понимается как заработанное или — буквально — завоеванное: *...вот товарищ Сталин прошу вас обратить внимание хотя ради моих детей, неужели мой муж <погибший на фронте> нам не завоевал комнату и я все же 7 лет работаю на строительстве»* (ф. 7384, оп. 30, д. 50, л. 133 об). Показательно, как две идеи (это, с одной стороны, представление о том, что многие советские люди живут в плохих условиях, то есть «нуждаются» в их улучшении, и, с другой — представление о том, что некоторые из советских людей заслужили первоочередное право на это улучшение) сливаются на узком пространстве

¹⁸ А. Н. Косыгин, председатель Совета министров СССР.

¹⁹ Вот предельно четкая формулировка вопроса: «...что я делал за прошедшие 60 лет, имею ли я моральное право требовать чего-либо от общества» (ф. 7384, оп. 42, д. 997, л. 393).

²⁰ Или человечеству в целом: «...отдала все свое здоровье на благо человечества. В настоящее время тяжело больная» (ф. 7384, оп. 42, д. 634, л. 66).

словосочетания, которое появляется в тексте очень грамотном, являющемся собой в некотором роде пример бюрократически-виртуозного сочетания «правильных» слов и выражений, — в письме экономического советника посольства СССР в Монголии, в котором он ходатайствует об улучшении жилищных условий семьи специалиста-строителя в Ленинграде, работающего в Монголии в длительной командировке; там среди прочего есть такое выражение: «...родители семьи тов. Столярова *по праву нуждаются* в улучшении жилищных условий» (ф. 7384, оп. 42, д. 634, л. 201).

Среди заслуг, которые, как считается, дают больше прав, оказываются в том числе и подробности биографии до 1917 года. Неоднократно встречаются упоминания полученных от казаков до революции ударов плетью — они тоже видятся неоплаченным капиталом, долгом советского государства перед человеком (или перед семьей). То есть заслугой видится не только участие в революционном движении, но и просто вражда с властями, нарушение общественного порядка при старом режиме. См. следующие примеры:

Я изсечена плетью казацкой еще с юных лет, когда мне было 11 лет и сейчас в нашей мирной советской стране я не могу найти угла для остатка своей жизни и для воспитания своей дочери (ф. 7384, оп. 30, д. 50, л. 94).

Вся жизнь моя прошла по тяжелому пути, еще в детстве я узнала подземскую [?] где сидела с матерью которая плюнула в лицо городоному <...> В 1916 году участвовала в забастовке и была отхлестана казаками (ф. 7384, оп. 42, д. 628, л. 36).

Эта же деталь всплывает, когда, рассказав о собственной биографии, автор письма в газету «Правда» обращается к биографии своей матери, которая живет в Ленинграде с 1905 года, которая видела Ленина, и участвовала в демонстрациях народных, которую били казаки за то, что она хотела хорошо жить (ф. 1008, оп. 2, д. 585а, л. 331а). Автор одной из жалоб «прожил 3 революции» и ставит себе в заслугу подтвержденное архивной справкой дезертирство «из царской армии» в 1916 году (ф. 7384, оп. 42, д. 628, л. 58).

Ссылка на подробности биографии и заслуги членов семьи вполне закономерна: субъектом в процессе обмена с государством может выступать не индивид, а «ячейка общества». Соответственно, и биография, связанная с историей страны, рассматривается как общий ресурс семьи²¹. В отношении обеспечения жилплощадью это тем более обоснованно, что жилплощадь предназначается семье, а потому вполне закономерно считать символический капитал членов семьи совокупно. И в случае ошибки в распределении благ обделенной оказывается

²¹ Ср. «Наша семья в войну потеряла многое. Утерянного не вернешь, и всюду чувствуешь и гордо сознаешь лишь одно: кровь пролита не даром, мать-Родина жива и процветает» (ф. 7384, оп. 42, д. 1005, л. 103).

вся семья, а не один человек. Вот текст вполне в духе газетной пере­ довицы, рапортующей о рекордах: *Поищите такую семью которая от­ служила в Советской армии 22 года в военное время и 115 лет от­ работала на производстве и продолжает работать* (ф. 7384, оп. 42, д. 1005, л. 3).

Похожие подсчеты представлены, например, и в обращении бывших фронтовиков к Ворошилову: *Дорогой Климентий Ефремович, Вы прославленный маршал и прекрасно понимаете душу солдата который не щадя своих сил и жизни становится на защиту своего отечества, терпит голод, холод, живет в окопе, кормит вшей, но продолжает выполнять поставленную перед ним боевую задачу и мы оба с честью выполнили в период Великой Отечественной войны о чем говорят 14 боевых орденов и 42 грамоты Ставки. <...> а продолжаем ютиться в одной комнате как в окопе* (ф. 7384, оп. 42, д. 1005, л. 36)²². Здесь цифры, выражающие посчитанное суммарно для обоих супругов количество наград, подчеркнуты синим карандашом читавшего²³.

Заметим, что «семейный» характер жилищного вопроса отражается и в распространенной практике посылать одновременно (и/или последовательно) в разные инстанции сразу несколько жалоб аналогичного содержания, написанных от лица разных членов семьи, хотя бы и одним и тем же почерком (в результате несколько таких писем, пересланных из разных инстанций, попадают в орган, непосредственно принимающий решение о распределении жилой площади).

Биография семьи в целом и ее отдельных членов включает в себя и современное, сегодняшнее состояние, где тоже должны обнаружиться свидетельствующие в пользу жалобщиков обстоятельства. Обращаясь

²² В этом фрагменте ближе к концу мы наглядно видим механизм возникновения аномалии в «малограмотном» тексте. Внимание читателя вынуждено перескакивать с одного объекта на другой (или насильственно отождествлять эти объекты) — там, где автор не удосуживается четко выражать все звенья своей мысли и тем самым позволить читателю не задумываться над проблемами референции. В данном случае словосочетание «боевая задача», употребленное в предложении всего один раз, значит в трех разных частях этого предложения три разные вещи: во-первых, это абстрактная боевая задача в рассказе о душе солдата; во-вторых, как только кончается патетический пассаж о душе солдата, речь заходит о воинском долге, который авторы «с честью выполнили» во время войны, при этом прямое дополнение (обозначение того, что они выполнили, — собственно воинский долг) не используется, на его место претендует отсылка к «боевой задаче» из предыдущей части предложения; в-третьих, упоминаемые дальше ордена и грамоты свидетельствуют о выполнении многих конкретных боевых задач или воинского долга вообще, тогда как употребленная ранее «боевая задача» стоит в единственном числе. Несмотря на все это, читатель вполне способен восстановить отсутствующие, неэксплицированные звенья, чтобы реконструировать утраченную связность текста.

²³ Есть основания полагать, что им был сам Ворошилов, потому что в деле имеется письмо председателю Ленгорисполкома В. Я. Исаеву с ходатайством за просителей, подписанное Ворошиловым лично.

не к прошлому, а к настоящему, среди оснований претендовать на большее автор может упоминать членство в КПСС, активную пропагандистскую и общественную работу, то есть обстоятельства, выделяющие его из общей массы граждан и свидетельствующие о том, что он по своей воле отдает свои силы и время для торжества государственной идеологии. Интересно, что в некоторых текстах к такому разряду сведений примыкают (или заменяют их) ссылки на собственную деятельность по разоблачению недостатков, в частности на доноительство, особенно если оно оказывалось успешным²⁴.

Доноительство чаще всего оказывается доведением до деятельных последствий принципа, выраженного в жалобах почти повсеместно: свое положение осознается как ненормальное прежде всего в сравнении с положением окружающих людей, по контрасту с чужим благополучием. Указав на благополучие советского народа в целом (оно описывается авторами в терминах официального пропагандистского дискурса), авторы вместе с тем выбирают для сравнения с собственным положением незаслуженное благополучие отдельных лиц, как в следующем тексте: *В нашей стране идет грандиозное жилищное строительство и миллионы людей улучшают свои бытовые условия жизни. Это говорит о заботе нашей партии и правительства о трудящихся своей родины, но порой бывает до боли обидно когда на твоих глазах получают благоустроенные квартиры люди которые какой-нибудь десяток лет, а порой и того меньше, прожили в Ленинграде и не отстаивали с оружием в руках в Великую Отечественную войну завоевания Октября, наш социалистический строй* (ф. 7384, оп. 42, д. 1005, л. 39–40).

Ссылка на многочисленных приезжих, невесть как попавших в Ленинград и получающих жилплощадь раньше заслуженных старожилов, является в жалобах повторяющимся мотивом: приезжие, более удачливые конкуренты, видятся причиной медленного движения очереди на улучшение жилищных условий. Между тем, как предполагается, высокий руководитель обязан печься о справедливости распределения, быть гарантом справедливости, в рамках представления о которой статус «коренного ленинградца» и блокадника дает право на сравнительно большую долю благ. Понятие «коренной ленинградец», вообще говоря, заслуживало бы отдельного комментария, особенно в свете того, что население города дважды на протяжении XX века уменьшалось более чем вдвое (в период гражданской войны и в период блокады). Ссылающиеся на свой статус старожила или «коренного ленин-

²⁴ Вот как характеризует свою жизненную позицию один жалобщик, однажды оказавшийся успешным разоблачителем: «Пусть грешки, на которые я указывал, не так уж велики, чтобы на борьбу с ними нужно было тратить всю свою душевную энергию, причиняя досаду любителям тишины, тревожа равнодушных, многих восстанавливая против себя. Но ведь нужно понять, что это происходит от беспощадной нетерпимости к злу большому и малому» (ф. 7384, оп. 42, д. 628, л. 59).

градца» могут иметь в виду не только факт рождения в этом городе, но и прописку в Ленинграде в довоенный период²⁵.

Статус фронтовика, блокадника, участника революции становился особенно актуальным в определенные периоды времени. Историческое событие, причастность к которому давала символический капитал, ежегодно отражалось в праздновании «красных дней календаря» — отмеченных точек годичного цикла, среди которых годовщины Победы, снятия блокады, революции. Символические точки временных циклов (особенно «круглые» даты, юбилеи) закономерно воспринимаются гражданами как возможность перераспределения доли, поэтому в преддверии праздников и пишутся жалобы и обращения, наполненные патриотической риторикой в сочетании с сетованиями на несправедливость и надеждами на ее устранение. Фрагменты — иногда весьма крупные — таких текстов либо заимствуются из газетных передовиц, либо точно воспроизводят принятые формулировки официального дискурса. Вот показательные отрывки из писем, написанных от лица двух членов семьи — матери и дочери:

Бессмертный подвиг Ленинградцев, потрясший весь мир, навсегда останется в памяти народа как символ бесстрашия и преданности делу партии Ленина. Однако не все помнят блокаду: многие забыли нечеловеческие муки народа и страдания ленинградцев. Для отдельных лиц и даже руководителей советских и партийных органов все и всё забыто <подчеркнуто в оригинале>. Горько, больно и обидно (ф. 7384, оп. 42, д. 634, л. 77об.)²⁶.

Я и моя семья верим, что забота проявленная Советской властью и партией по отношению к народу не минует и нас. В дни когда Ленинградцы отмечают 20-и летие полного освобождения Ленинграда от немецких фашистских войск, мы как пережившие блокаду ощутим тепло и заботы Коммунистической партии о людях — получим комнату, которую мы слезно просим. <дата, подпись> (ф. 7384, оп. 42, д. 634, л. 72)²⁷.

Советские праздники и знаменательные даты используются авторами жалоб как важное средство осмысления событий. События видятся ими как приуроченные к тем или иным датам, действительные и примысленные календарные совпадения истолковываются как значимые. Так, например, в письме, где автор говорит о необходимости капитального ремонта, среди прочих аргументов приводится следующий: *На демон-*

²⁵ Следует учитывать, что и жилплощадь в Ленинграде, и право на ленинградскую прописку могли быть утрачены в силу целого ряда обстоятельств, что служило также поводом для многочисленных обращений и жалоб. Например: «Я коренной житель г. Ленинграда, квартиру в Московском районе разбило снарядом и с тех пор я не могу получить жилплощадь...» (ф. 7384, оп. 42, д. 628, л. 153).

²⁶ Если следовать заложенной в этом тексте логике буквально, то окажется, что «отдельные лица» и руководители не относятся к «народу» или, по крайней мере, не разделяют с ним «память».

²⁷ Отметим модальность утверждений: забота уже проявлена советской властью, и «мы... получим комнату».

страцию 7-го ноября уйти не смог т. к. дверь в комнату не закрывается (ф. 1008, оп. 2, д. 5856, л. 203)²⁸. Гражданка, осуществившая удачный «самозахват» освободившейся комнаты в своей коммунальной квартире²⁹, описывает в жалобе А. Н. Косыгину попытки выселить ее из захваченной комнаты и приводит такую примечательную подробность: *6 ноября перед самыми праздниками возмутил меня такой факт — пришли отключили радио-точку, как будто я не советский человек, мне было очень больно* (ф. 7384, оп. 42, д. 1005, л. 46). Даже в психиатрическую больницу квартирные враги сажают своего оппонента не иначе как сверившись с календарем³⁰.

Да и сами письма с жалобами, если речь не идет об экстренном положении, требующем немедленного вмешательства, пишутся не в случайный момент, а к съезду, к выборам, к празднику. Мотивация достаточно прозрачна: праздник или иное общественно и политически значимое событие именно поэтому обещает раздачу и перераспределение благ, что предполагает повышенное внимание власти к людям. И к тому, чтобы они, в благодарность за внимание власти, правильно выполняли положенные церемонии. Только тут человек и может почувствовать иллюзию силы и соблазн шантажировать власть, не выполняющую обещаний. Правда, может он немного: например, не пойти на демонстрацию, не голосовать на выборах или голосовать против. Но это немного, как ему прекрасно известно, будучи проделано открыто и напоказ, больно задевает всю систему, ожидающую в таких вопросах единогласия. Таким образом, появляется возможность торга с властью, приуроченная к сопутствующей торжественному событию раздаче благ. *Скоро выборы в местные советы, а настроение у нас очень плохое. <... > Порадуйте нас ко дню выборов* (ф. 1008, оп. 2, д. 870, л. 18)³¹.

В дни выборов, съездов, пленумов, юбилеев и праздников власть особенно активно занимается пропагандой своих достижений. Гражданин же получает возможность обратить внимание власти на кон-

²⁸ Кстати сказать, в обществе, где все руководствуются коммунистической моралью, незакрывающаяся дверь в комнату коммунальной квартиры не стала бы препятствием для похода на демонстрацию (в отличие от двери, которая не открывается).

²⁹ В результате сложной операции, включавшей телеграмму А. И. Микояну и жалобу А. Н. Косыгину, эта гражданка добилась закрепления этой комнаты за своей семьей — вопреки изначальным намерениям жилищной администрации, пытавшейся выселить «захватчицу» при помощи прокуратуры и милиции.

³⁰ «...сажают меня за решетку преднамеренно, накануне советских праздников, рассчитывая поколебать мое коммунистическое воззрение»; «Там из-за решетки проклинал я ежовцев и вдохновителей классовой борьбы из Сталинского Исполкома, когда любовался салютами 1 и 9 мая» (ф. 7384, оп. 37, д. 2065, л. 210–211). См. об этом случае подробнее: Утехин 2003.

³¹ В таких текстах, особенно коллективного авторства, появляется в целом нехарактерная интонация требования: «<мы> не просим, а требуем: Дать нам возможность встречать праздник Октября в теплых квартирах» (ф. 1008, оп. 2, д. 5856, л. 231).

траст между официальной риторикой и реальностью собственной повседневной жизни.

Ссылка на пропаганду может быть упоминанием лозунга (вроде «Никто не забыт, ничто не забыто») или общей отсылкой к политике партии, но может указывать и на вполне конкретную статью, передачу, выступление партийного руководителя. См., например, текст, где, придавая своему письму, адресованному председателю Совета министров СССР А. Н. Косыгину, эффект документального повествования, автор сталкивает новости, передаваемые по радио, и собственные жилищные проблемы: *Сейчас я сижу пишу письмо вам. Слышу по радио передают, что Ленинградцы получили к празднику 30 тысяч квартир. Можно ли этому верить. Кто это говорил. Это вели передачу 4 ноября в 17 часов 15 минут. <...> ...Всегда говорят что у нас самый справедливый строй. Что у нас поступают справедливо. <...> Стоит ли после этого удивляться несправедливости. Это я не выдумываю это правда*³².

Вообще говоря, расхождение пропагандистских слов и реального положения вещей — мотив весьма распространенный в жалобах; отметим, что тенденция делать этот мотив основой текста более характерна для менее грамотных авторов, которые, кроме того, не могут похвастаться членством в партии. В предельном случае критика советских порядков и, в частности, указания на противоречие пропаганды и действительности может реализоваться в другом жанре писем граждан — в ругательных посланиях власти. В жалобе же помимо общих рассуждений должно присутствовать, по крайней мере, еще и изложение сути просьбы жалобщика, для которого более подходящим фоном оказывается скорее лесть, а не ругательства. Соответственно, в жалобах, где упоминается противоречие слов и дела, чаще присутствует подчеркнутое проявление солидарности с пропагандой, на фоне которого это противоречие дел словам выглядит как отдельный досадный случай. Причем во многих текстах, вероятнее всего, это не фигура мысли и не неискренняя лесть, чтобы задобрить адресата и сойти за идеологически «своего», — это отражение действительных убеждений автора; вот типичный пример³³ (адресовано Л. И. Брежневу): *Сейчас у нас такая радость идет съезд коммунистической партии Советского Союза и я радуюсь и всегда слушаю ваше выступление и радуюсь за вас и за то что я живу с вами в Советском Союзе но как подумаю, как живу, и что придется во всей своей жизни разочароваться во всей своей жизни и что не ужели я не могу*

³² Его семья живет в полуподвальном помещении, стоит на очереди, но не получает жилья; семья, недавно получившие квартиры, по его словам имели в очереди номера значительно более далекие (ф. 7384, оп. 42, д. 1005, л. 11).

³³ Типологически в этом отношении он весьма схож с текстами, представленными в работе: Сандомирская, Козлова 2001. Эти тексты особенно показательны, так как представляют собой сделанные «для себя» и не предназначавшиеся для отсылки куда-либо дневниковые записи.

пожить спокойно и посидеть послушать радио и ваше выступление где вы так красиво верно и справедливо всегда говорите и я еще рас надеюсь что вы разберетесь посправедливому в моем неграмотном письме и надеюсь что я получу ответ (ф. 7384, оп. 42, д. 997, л. 16).

Вопрос, в какой мере верноподданнические сентенции и переписанные из газеты лозунги отражают реальные убеждения и жизненные установки людей, едва ли может быть разрешен только на основании текстов писем. Безусловно, пытаясь вступить с властью в контакт и что-то от нее получить, человек, даже не будучи склонен к этому в обычной жизни, был тем не менее вынужден прибегать к языку, на котором говорила с ним власть, — языку пропаганды — и пользоваться соответствующими категориями. Однако, строго говоря, у нас нет оснований подозревать в неискренности авторов тех посланий, где показательные заявления о верности официальной идеологии использованы как основная риторическая стратегия (и как предмет торга в отношениях с государством). Эта стратегия может реализовываться совершенно прямолинейно и бесхитростно, скажем, как в следующем машинописном тексте на листке из школьной тетрадки, где некоторые слова, представляющиеся автору ключевыми, напечатаны прописными буквами: *ДОРОГОЙ ЛЕОНИД ИЛЬИЧ! Вы на празднике 47 Годовщины Великого Октября сказали, что у нас ВСЕ будет делаться по-ЛЕНИНСКИ, что ВСЯ страна пойдет по пути ЛЕНИНА, что все ДЛЯ человека и все ВО ИМЯ человека.*

ВАШИМ словам весь НАРОД поверил и этим словам и я поверил. <...> Вашим словам я верю и эта вера дает мне силы биться за жизнь. Я убежден, что за ВАШИМИ словами последуют ЛЕНИНСКИЕ дела а значит моя просьба НЕ будет оставлена без удовлетворения. <...>³⁴ Из ВАШИХ высказываний чувствуется, что Вы настоящий ЛЕНИНЕЦ и потому ВЫ почувствуете всю глубину моего горя и срочно поможете.

С такими убеждениями и буду ждать Вашей помощи. Шофер <подпись> Погудин (ф. 7384, оп. 42, д. 1005, л. 72–73).

Отметим один важный имплицитный смысл, заключенный в этом послании: надежда на перемены в жизни связывается автором со смелой руководства. Это прозрачно читается между строк, хотя здесь нет ни прямых обвинений в адрес прежних руководителей, ни даже их упоминания; нам, однако, неоднократно встречались письма, где прежде, чем изложить суть просьбы, жалобщик описывает свои прошлые мытарства, причину которых усматривает в позиции прежнего, недавно сменившегося руководства КПСС или горисполкома. И спешит уверить в своей лояльности новых руководителей, обругав предыдущих.

Указания на контраст реальности и декларируемых властями целей и достижений встречаются также и в письмах авторов, обыгрывающих

³⁴ Тут излагается суть дела: гражданин Погудин проживает со своей женой и двумя детьми в комнате площадью тринадцать квадратных метров и просит об улучшении жилищных условий.

в тексте свой статус коммуниста³⁵. Они сами занимаются пропагандой политики советской власти, поэтому у них — и даже не у них, а у их аудитории — естественным образом возникают вопросы о несоответствии отдельных фактов картине, рисуемой в газетах: *...как бывает трудно отвечать на некоторые вопросы как пропагандисту и ответ мой их, конечно, не удовлетворяет, так как некоторые говорят — «куда нам, если уж ты находишься в таком положении»* (ф. 7384, оп. 42, д. 628, л. 44). Или такой текст: *Я не хочу описывать кошмары, в каких приходится жить советскому человеку, тем более коммунисту — когда наша партия привлекает к себе симпатии народов всего мира, а рядовой коммунист вынужден страдать и влечить свое существование в задымленном сарае... <...> А ведь я тоже человек и у меня растет ребенок, который будет жить при коммунизме и строить его, а что он видит сейчас?* (ф. 7384, оп. 42, д. 628, л. 153)³⁶

Подчеркнем в последнем примере не носящее характера грамматического нарушения построение предложений из стилистически разнородных блоков, которые сшиваются между собой так, как это обычно бывает в сбивчивой разговорной речи. Здесь мы опять встречаем совмещение рассуждения «вообще» и повествования о собственных жизненных обстоятельствах; это оказывается особенно наглядным при появлении в одном контексте элементов пропагандистского дискурса рядом с конкретными фактами из жизни автора. В данном фрагменте автор определяет себя последовательно как советского человека, коммуниста, рядового коммуниста, просто человека и родителя ребенка. Выступающий в этих ипостасях автор, его ребенок, а также народы всего мира могли бы в принципе поставить под сомнение принятую на XXII съезде КПСС оптимистическую установку на то, что уже живущее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

³⁵ Впрочем, очень трудно представить себе, чтобы кто-то, будучи членом КПСС, в своей жалобе этого никак не упомянул; коммунисты нередко даже указывают номер своего членского билета — либо в «шапке» документа, либо в его конце, рядом с личной подписью.

³⁶ Из другого письма той же «гражданки СССР, служащей, члена КПСС»: «...читаешь газеты и все об одном и том же — об улучшении жилищных условий трудящихся. А кем же я являюсь — не трудящимся, разве мой ребенок не заслужил жить в человеческих условиях?» (Там же: л. 151). Обратим внимание на то, что право на жизнь «в человеческих условиях», как следует из текста, нужно заслужить даже ребенку (едва ли автор задумывалась над логической стороной своего высказывания). Из имеющихся в деле справок узнаем, что жилищные условия гражданки (матери-одиночки) вполне удовлетворительны, что она между тем стоит на очереди, но что на месте работы она якобы стала жертвой чьего-то разгильдяйства или злого умысла: по недоразумению ее документы на очередь были переданы на два года позже того срока, на который она была вправе рассчитывать. Кстати сказать, здесь мы имеем дело как раз с таким случаем, когда автор письма, проживавшая в Ленинграде до войны, считает себя «коренным ленинградцем», тогда как с точки зрения жилищных органов ее статус определяется как «приехала в Ленинград из Белоруссии в 1956 году» (Там же: л. 150).

Как это очевидно из приведенных выше примеров, исключительно важна для формирования языка и стиля жалоб роль средств массовой информации — они являются основным источником формул, принадлежащих дискурсу официальной пропаганды, и, более того, именно публицистические выступления на газетных страницах, содержащие идеологически выверенную критику отдельных недостатков, становятся образцом для построения текстов. Жалобщики порой не только ссылаются на газетные публикации, но и присылают вырезки из газет в подтверждение собственных слов. Имитация газетной передовицы, плавно переходящей в репортаж внештатного корреспондента с места события, может становиться доминирующим принципом построения текста. Это напрямую связано с распространенной практикой писания писем в газеты³⁷.

Весьма значительную часть просмотренных нами материалов составляют либо обращения, попавшие в Ленгорисполком из газет, либо письма, направленные в адрес ответственных чиновников параллельно с отсылкой копий в ту или иную газету. В большинстве таких случаев тексты посланий строятся так, как если бы они были предназначены для публикации в разделе читательских писем. Иные — чаще коллективные — обращения содержат просьбу прислать корреспондента, который мог бы увидеть все своими глазами, и используют броские журналистские ходы, чтобы привлечь к описываемой ситуации внимание. Так, например, жители семиэтажного дома, где никак не могут установить лифт, показывают в письме в редакцию газеты тяготы жильцов, вынужденных несколько раз в день проходить 136 ступенек; обращение заканчивается просьбой не пересылать письмо в райжилотдел: «Не замыкайте круг. Ждем корреспондента» (ф. 1008, оп. 2, д. 585, л. 189). Жильцы другого дома посылают в «Ленинградскую правду» и в «Вечерний Ленинград» подробное и зрительно убедительное описание болтающихся у них на лестнице электрических проводов, после чего просят «прислать фото-корреспондента для уточнения положения дел в нашем заброшенном хозяйстве» (ф. 1008, оп. 2, д. 585б, л. 60)³⁸.

Рассмотрим показательный пример письма, посланного молодым коммунистом, бригадиром электромехаников в железнодорожном депо, в редакцию газеты «Ленинградская правда» (ф. 1008, оп. 2, д. 585, л. 150). Несмотря на то что текст будто бы и не предназначен для публикации,

³⁷ В газету отправлялись и жалобы, и доносы. Как отмечает Ш. Фитцпатрик (Fitzpatrick 1996b: 834–835), лишь немногие из полученных разоблачительных писем о злоупотреблениях начальников публиковались в рубриках вроде «Сигналы с мест»: главной целью писавших было добиться начала официального расследования, поскольку редакция предпринимала меры (пересылала письмо в ответственные органы) и «брала дело на контроль».

³⁸ Заметим, что отдельные письма сопровождалась фотографиями.

озаглавлен «Заявление» и составлен ради изложения просьбы об улучшении жилищных условий, его первые два абзаца напоминают соответственно газетную передовицу и отчеты «с мест» об успехах. Обращаясь к редакции, автор начинает свое письмо так: *Нет слов, чтобы высказать огромную заботу нашей КПСС и нашего родного правительства о благе нашего народа, о его быте, о семье, о его духовном росте. Все решения нашей партии направлены на выполнение решений 21го Съезда и Январского пленума ЦК нашей партии. Сейчас наш народ берет повышенные обязательства, чтобы трудится еще лучше и достойно встретить 22ой Съезд нашей партии.* Далее автор переходит к трудовым будням своей бригады и отмечает: *В нашей работе дела идут хорошо, но мы на этом не успокаиваемся и работать будем еще лучше.* Лишь после этого в «заявлении» излагаются впечатляющие обстоятельства бытового неустройства (*имеют место и такие факты, на которые прошу Вас обратить серьезное внимание*), а завершается письмо обещанием *трудиться еще лучше на благо нашего народа*, если редакция поможет в решении жилищных проблем³⁹.

Более искусственный в газетной стилистике автор прибегает к подражанию не столь идеологизированным жанрам, как передовица, что требует от него владения более сложными выразительными приемами; так, скажем, в уже цитировавшемся выше послании, где речь шла, в частности, о невозможности уйти на демонстрацию по причине незакрывающейся двери, автор использует элемент репортажа и даже вступает в своеобразную игру с читателем, отсылая его к своему предыдущему посланию: *...вместо демонстрации пишу это письмо и с горечью думаю, как же в РЖУ Выборгского района брали соцобязательство с пунктом десятым (что записано в пункте десятом вам известно из нашего заявления ранее поданного).*

Кстати сказать, пункт десятый соцобязательств РЖУ Выборгского района действительно заслуживает внимания, и не только в отношении содержания. Приведем его полностью (ф. 1008, оп. 2, д. 585б, л. 207): *Своевременно и качественно выполнять все заявки по ремонту жилплощади путем чуткого отношения к запросам и нуждам трудящихся, добиваться полной ликвидации поступления жалоб трудящихся.* «Жалобы» здесь четко отграничены от «заявок». Имея в виду характерную для советского языка (как в его «высокой», так и в сниженных версиях) тенденцию к номинализации, отметим, во-первых,

³⁹ Пространное — никак не связанное с остальным содержанием жалобы — публицистическое введение, посвященное актуальным вопросам внутренней и внешней политики, случается, занимает значительно больше места, чем изложение жизненных обстоятельств жалобщика и его просьбы. Так, например, из восьми больших абзацев письма в адрес А. Н. Косыгина (ф. 7384, оп. 42, д. 1005, л. 269–270) к собственно жалобе имеет отношение только последний; начинается он так: «А еще я хочу обратиться к Вам по личному вопросу».

«полную ликвидацию» в сочетании с цепочкой существительных в родительном падеже и, во-вторых, «ремонт жилплощади путем чуткого отношения к запросам». Словосочетания, подобные последнему, создают у читателя иллюзию если не переосмысления, то колебания значения служебного слова (чаще всего со значением средства или причины); между тем такой эффект мог оставаться автором не замечен, а появление цепочек с нарушением связности вполне объяснимо: номинализация оказывается для автора главным ориентиром в построении синтагмы, главным признаком хорошо написанного текста, но при этом автор не справляется с возрастающей сложностью громоздкой синтаксической конструкции. В том же десятом пункте сообразительств просматривается изначальная конструкция, еще более громоздкая, но без явного отклонения от норм связности (ее неправильность — иная); стоит только переставить «добиваться» в начало и заменить глагол «выполнять» именем, как все встает на исходные места, ср.: «Добиваться... выполнения всех заявок... путем чуткого отношения... <а также> ликвидации...»

Некоторые авторы более или менее успешно пытаются имитировать советский газетный фельетон, «оживляя» текст риторическими вопросами, языковой игрой и особенно использованием отсылок к произведениям классической русской литературы, входящим в школьную программу. В одном из попавших в наш материал писем автор даже прямо называет жанр, служащий ему образцом: *...пора бы нашему исполкому удовлетворить нашу просьбу об переселении... из этого одноэтажного 2-х квартирному домика на курьих ножках из этого разбитого корыта. Но я вам не разрешаю смеяться это не стихи Пушкина и не фельетон. Это слезы моих родных. <...> Дорогая редакция — вы представители самой лучшей нашей газеты «Правда». Но сделайте по отношению к нашему райисполкому, чтобы он тоже сказал правду* (ф. 1008, оп. 2, д. 585а, л. 331а). В тяготеющих к фельетону текстах всегда присутствует указание на конкретных виновных в описываемом положении дел (это могут быть административные органы или, чаще, конкретные лица), причем это указание сопровождается разоблачительным пафосом, подчас на грани доноса. Так, например, отставной военный, недовольный тем, что его бывшему соседу по коммунальной квартире дали отдельную квартиру, разбирает достоинства героя своего письма (копия направлена в «Ленинградскую правду»): *Какие же он имеет заслуги? <...> Разве то, что по окончании ВУЗа был назначен на Север, а оттуда быстро «ретировался»?! Почему и какими путями — мне теперь видна его действительность, как «молодого из ранних»? <...> Все это вместе взятое заставляет невольно думать, что кто-то ему из высоких лиц — «радеет»? Так это было во времена А. С. Грибоедова, который писал: «Ну как не порадовать родному человечку?» Но времена Фамусовых давно прошли. И стыдно в наше Советское время «ра-*

деть»! <...> Я очень прошу Вас — по рабочему, по Советски разобрать-ся и поставить все на свои места (ф. 7384, оп. 42, д. 628, л. 242). Мишенью доноса оказывается не только возбуждающий зависть бывший сосед, но и его вышестоящие начальники, обеспечившие его жилплощадью.

Наряду с текстами, эксплуатирующими «публицистическую» стилистику, довольно многие жалобы провоцируют адресата на ответ иными средствами, обращаясь не к идеологемам, а к установленным правилам: они выдвигают властям требования соблюдать формальные нормы и правила — прежде всего, те, которые касаются работы с письмами граждан. Отсутствие ответа на жалобу в установленный по закону срок может становиться основанием для новой жалобы и часто дополнительным аргументом. Вот как это выражено в достаточно мягкой форме, скрывающей, впрочем, твердость позиции: *Прошу не задерживать ответа на мое заявление, а то на первое заявление ждал ответа ровно 70 дней. Это почему-то расходуется с требованиями Советской Конституции* (ф. 1008, оп. 2, д. 585б, л. 53). Весьма распространено было убеждение, что никакое обращение гражданина не должно было остаться без ответа: *Я написал депутату Верховного Совета СССР по Куйбышевскому округу в Ленинграде, чтобы он не издевался над Великой Сталинской Конституцией и он не отвечает больше 3х месяцев. <...> Прошу Вас дать мне письменный ответ, иначе я напишу <на имя> самого тов. Сталина И. В.* (ф. 7384, оп. 30, д. 50, л. 35).

Показательно, что среди встретившихся нам самый пространственный текст, почти целиком посвященный размышлениям над бюрократической процедурой работы с обращениями граждан, написан человеком⁴⁰, сущность просьбы которого носит как раз бюрократический характер: жилплощадью он с семьей обеспечен и не просит дать ему другую, он лишь требует формально «закрепить» его право на уже занимаемую. В отличие от того, что составляет существо дела во всех остальных цитированных жалобах, это — ситуация нетипичная (впрочем, дающая автору повод максимально подробно развернуть весьма типичные аргументы). Неоднократные обращения в разные инстанции с приложением большого набора документов не дали результата, и тут нельзя сказать с уверенностью почему — либо требование автора не вписывается в стандартные категории запросов, с которыми имеют дело жилищные органы, либо чиновники не видят достаточных оснований для удовлетворения просьбы. Официальные ответы содержат стандартный отказ, но отказ именно в предоставлении другой площади («в настоящее время возможности не имеется»), то есть отвечают они, как постоянно

⁴⁰ Отставным военным; отставные военные (с начала 1960-х годов, после известных хрущевских сокращений армии) составляют отдельный многочисленный разряд жалобщиков.

подчеркивает сам заявитель, на другой вопрос⁴¹. Поскольку отсылаемые раз за разом стандартные ответы не содержат подробных мотивировок, автор в принципе может так никогда и не узнать, что адресат подозревает его, например, в стремлении урвать себе больше положенного и в патологическом кляузничестве. Привлекая весь свой опыт переписки с различными инстанциями, автор делает сам процесс коммуникации темой большей части письма. Он пространно критикует практику работы с заявлениями граждан⁴² и издевательское отношение к посетителям, приходящим на прием⁴³. Критические замечания на эти темы вообще не редкость в жалобах, но тут они выходят на первый план: работники органов власти «наглеют», «злорадствуют» и «самодовольно потирают руки» (последнее выражение встречается на одной странице дважды).

Авторы большинства обращений склонны оценивать адресатов своих обращений в терминах человечности и чуткости; бюрократизм оказывается проявлением «бездушного» отношения к людям, не свойственного советскому обществу: *В стране где все для человека его блага и счастья встречаются еще сухие, оторванные от интересов народа, руководители местных органов, все это не вяжется с нашей жизнью и коммунистическим обществом в которое мы должны вступить* (ф. 7384, оп. 42, д. 1005, л. 46). «Разумно» и «по-человечески» становятся в один ряд; в устах коммуниста проблемой оказывается вроде бы даже не собственно жилищный вопрос, а его пошатнувшаяся вера в справедливость:

Я обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне разобраться, я потеряла веру в людей, в справедливость, столкнувшись с руководителями Ленин-

⁴¹ Возможно, что, не владея, в отличие от жилищных органов, фактической информацией о деле, мы просто были неспособны составить себе представление о *действительном* содержании запросов этого автора. Из текстов вытекает, что заявитель и власти на протяжении долгого времени играют в игру, будто не понимают друг друга: в формуле «прошу Вас о удовлетворении меня и семьи жилой площадью с правом на нее» заявитель якобы делает акцент на праве, а власти — на предоставлении жилплощади, и ни одна из сторон не изменяет своей позиции.

⁴² «Не понравится кому-либо стиль написанного заявления и ничего не ответят как в данном случае поступил Президиум Верховного Совета ССР, и не знаешь кому на такое отношение жаловаться» (ф. 7384, оп. 42, д. 628, л. 188). По существовавшей практике письменные ответы давались исключительно советскими органами; в партийные же инстанции заявителей вызывали для беседы.

⁴³ Так, например, в своем послании, датированном 1964 годом, он вспоминает «один случай, который имел место 18 января 1960 г в Смольном — Ленинградском Горкоме КПСС (комната № 259), куда был вызван к инструктору тов. Валялову по поводу письма, направленного мною в ЦК КПСС. Когда я вошел, то в комнате находились три инструктора и один посетитель сидел у стола, его принимал инструктор (фамилии инструктора не знаю, но его стол стоял напротив стола тов. Валялова). Посетитель был пожилым человеком, убелен сединами, и когда он вышел, то этот инструктор, не обращая внимания на меня и, что я являюсь таким же посетителем, встал со своего стула, самодовольно потер руки и потянувшись, обращаясь к своим коллегам по работе заявил: “Здорово я отчитал кандидата медицинских наук и если бы ко мне пришел и доктор наук, то я и его бы так же отчитал, а то и лучше”» (ф. 7384, оп. 42, д. 628, л. 194).

ского райисполкома (начало письма); *Я очень прошу по-человечески, разумно подойти к моей просьбе, помочь мне разобраться во всем* (конец того же письма) (ф. 7384, оп. 42, д. 628, л. 86)⁴⁴.

Как бездушные и черствость оценивают авторы и игнорирование всех тех «право дающих» обстоятельств, о которых они упоминают в своих письмах. Уже отмечалось, что стандартные ответы содержат только извещение об отсутствии возможности предоставить или заменить жилплощадь вне очереди. Жалобщик же подозревает, что не все обстоятельства учтены или что его требования просто не были рассмотрены по существу (отсюда многочисленные «прошу ответить по существу»). Автор возмущен непорядком, например: *...когда при взятии на учет по улучшению жилплощади, я в заявлении написал о себе, что являюсь участником Отечественной войны, защитник Ленинграда, всю блокаду был в Ленинграде, думал, может, обратят внимание на это, но товарищ, принимавший документы в Жилотделе сказал: «Нужно писать коротко, — кому это нужно что Вы пишете?»* (ф. 7384, оп. 42, д. 628, л. 43). Тут довольно прозрачно восстанавливается ситуация, где едва ли имело место какое бы то ни было пренебрежительное отношение к достоинствам автора: сведения, годные для мотивировочной части жалобы или заявления, скорее всего были помещены заявителем в документ другого жанра — в стандартное, «по образцу» заявление о приеме на учет, что и вызвало нарекания делопроизводителя. Следует отметить, однако, что и применительно к жалобам, составляемым в свободной форме, по-видимому, справедливо говорить о том, что, с точки зрения адресата (и аппарата его помощников), есть тексты, с которыми удобно работать, то есть содержащие связно изложенные — пусть и нуждающиеся в проверке — релевантные факты, и тексты «неудобные», где до существа вопроса (сначала подчеркиваемого карандашом в тексте жалобы, а затем кратко излагаемого в справке) приходится долго докапываться.

Разница между собственным видением ситуации и ее интерпретацией жилищными органами зачастую приписывается автором злой воле или нерадивому отношению к своим обязанностям со стороны ответственных лиц. С точки зрения жалобщика, отсылающего многочисленные заявления с просьбой еще раз рассмотреть его дело, предыдущие ответы были «не по существу». Он сталкивается с тем, что ему отвечают не на тот вопрос, который он задавал, что его просьбы переиначивают, отделяются «фальсификацией или отпиской», — а потому он вынужден писать еще и еще раз. Это тем более неприятно, что сам факт повторных обращений («куда мы только ни писали») может иметь отрицательные коннотации: дело в том, что внимание властей — тоже разновидность благ, раздачей которых не следует злоупотреблять. Тем, кто

⁴⁴ Еще пример: «Теперь я обращаюсь уже лично к Вам, Никита Сергеевич, и хочу знать прав ли я и есть ли справедливость?» (ф. 7384, оп. 42, д. 628, л. 41).

требует повторного внимания, случается, присылают лаконичное указание на то, что ответ на их запрос уже был дан и содержался в письме от такого-то числа, — откуда автоматически следует, что пересмотр дела не состоялся или не дал результатов. Соответственно, аргументом, играющим в пользу положительного морального облика авторов писем, может быть тот факт, что раньше они не «обращались»⁴⁵ за помощью — в частности, потому, что понимали: стране было тяжело. Поводы для обращения имелись и раньше: *...несмотря на то, что <излагаются обстоятельства>, я никогда не ставил вопроса об улучшении моих жилищных условий* (ф. 7384, оп. 42, д. 634, л. 92)⁴⁶. Но теперь обратились — в одну инстанцию, в другую, и *обращаться больше некуда, помогите нам вернуть веру в то хорошее коммунистическое отношение к человеку, который просит помощи за 36 лет впервые* (ф. 7384, оп. 42, д. 1005, л. 46). Отметим в последней цитате уже знакомое⁴⁷ явление — производное от совмещения двух семантических (и стилистических) пластов сочетание в одном контексте абстрактного значения формулы («человек» вообще — в «коммунистическое отношение к человеку») и конкретной отсылки к данным обстоятельствам (конкретный человек, который просит помощи впервые за 36 лет). В двух частях предложения человек — разный, но автор заключает этих двух разных людей в одно слово, причем нельзя с уверенностью судить, делает ли он это намеренно, как способ привлечь внимание к форме выражения (собственно, прибегая к поэтической функции), или же просто в силу того, что не справляется с нормативным синтаксисом⁴⁸.

Как вариант обыгрывания темы числа обращений к власти за помощью возможно указание даже не на отсутствие в прошлом таких обращений, а на то, что от государства ничего никогда не получали. Этот аргумент кажется настолько сильным, что, например, перевешивает

⁴⁵ Метонимически значение глагола «обращаться» — из усечения «обращаться с жалобой (с заявлением)».

⁴⁶ Ср. из коллективного письма: «Проживая давно в тяжелых жилищных условиях, мы не обращались ранее, в то время как кругом улучшались условия проживания людей...» (ф. 1008, оп. 2, д. 5856, л. 79).

⁴⁷ См. выше сноску 22.

⁴⁸ Ср. как Томас Сейфрид характеризует специфику языка «Котлована» Андрея Платонова, отмечая «стойкую тенденцию к стимулированию в языке текста каламбурной амбивалентности между буквальным и фигуральным уровнями значения, что неизбежно влечет за собой соответствующее колебание между полюсами конкретного и абстрактного. <...> ...Семантическая амбивалентность в “Котловане” проистекает из намеренного совпадения “предполагаемого” значения слова или фразы с “неумышленным”, порожденным капризной неустойчивостью лексического и синтаксического контекста, который хотя бы на миг создает ироническую иллюзию одновременного существования обоих значений и совпадения тех сфер опыта, откуда эти значения взяты» (Seifrid 1987: 378; цит. по рус. переводу, с. 312). В текстах жалоб семантическая и референциальная амбивалентность производна от совмещения пластов языка официального документа, языка газетной передовицы и языка личного письма.

дискредитирующую информацию об авторах: так, в двух посланиях по одному и тому же вопросу — Ворошилову от мужа и в Ленгорисполком от жены — говорится, что супруги всегда пользовались «неформальными» способами и имеющуюся комнату получили хотя и не вполне законным путем, но не взяв ничего ни разу от государства (*распродав свои вещи, путем частных сделок; на свои средства, частным путем*), постепенно увеличив таким образом свою жилплощадь с 10 до 16 и затем до 24 квадратных метров (ф. 7384, оп. 42, д. 1005, л. 36–39). Примечательно, что эта логика могла, по-видимому, иметь шансы на успех — по крайней мере, она была абсолютно понятна чиновнику, функции которого состояли, в частности, в том, чтобы следить, воспользовался ли кто-нибудь дважды возможностью получить дополнительные блага. Из материалов дел становится понятно, что многие заявления отклонялись именно на том основании, что уже однажды «давали» — однажды просьба данного просителя уже была удовлетворена, а он распорядился полученным по своему усмотрению⁴⁹ и теперь просит еще раз того же самого. Или же просьба отклоняется, так как проситель несколько раз уже отказывался принять то, что ему предлагалось, и не вправе рассчитывать на большее.

Сказанное выше не исключает, что автор может в принципе прибегнуть и к внешне прямо противоположным аргументам: в логике «бездушия и черствости бюрократов на местах» аргументом могут стать как раз обращения, оставленные без ответа. Иногда этот элемент в редуцированном виде повторяется в «шапке» обращения, где справа, указано, например: «20-е письмо» (ф. 7384, оп. 42, д. 1368, л. 188); «вторичное» — в оригинале подчеркнуто (ф. 7384, оп. 42, д. 628, л. 30); ср. с обычной пометкой на почтовом извещении. В одном случае, где обращение за помощью содержит отчетливые признаки личного письма, нам встретилась ссылка на эффективность предыдущих обращений к тому же адресату (в письме К. Е. Ворошилову): *В моей жизни Вы неоднократно мне помогли и я надеюсь, что и на этот раз мое заявление будет по справедливости рассмотрено и решено* (ф. 1008, оп. 2, д. 585а, л. 336).

Выбор адресата вообще не всегда поддается объяснению⁵⁰. Просьбы о помощи иногда направлялись не в советские или партийные органы, не в газету, а просто известным людям, например писателям или ученым, в надежде на то, что они употребят свой авторитет и будут ходатайствовать за просителя перед советскими органами⁵¹. Например, И. Сандомирская и Н. Козлова пишут об авторе анализируемых ими материалов: «В поис-

⁴⁹ Например, осуществил размен, чтобы снабдить отдельной площадью младшее поколение семьи.

⁵⁰ Выше мы указали на один из декларируемых принципов этого выбора: жизненные пути автора и адресата когда-то пересекались.

⁵¹ См. у Шейлы Фитцпатрик ссылки на работы о письмах полярнику О. Ю. Шмидту и физиологу академику И. П. Павлову (Fitzpatrick 1996a: 79).

ках управы на местную администрацию, которая выселяет внука из квартиры, она обращается к Валентине Терешковой. Письмо написано от лица внука и его жены» (Сандомирская, Козлова 2001: 128). Более чем вероятно, что обращение к Терешковой могло быть продублировано другим адресатам. В уже цитировавшемся выше письме Е. Фурцевой есть и указания на такую рассылку одной и той же просьбы в разные адреса, и своеобразная мотивировка данного обращения именно к министру культуры: *Т. Фурцева уверена что то письмо до Вас не дошло. Может это каким-нибудь чудом попадет к вам и вы поможете нам получить эту комнату. Очень вас прошу сделать чтобы все люди на земле были культурными и счастливо жили. <...> Т. Фурцева, вы боретесь за культуру так помогите же нашей семье получить эту комнату. Будьте счастливы за все хорошее когда все дороги ведут в коммунизм* (ф. 7384, оп. 42, д. 1368, л. 188–9)⁵². Автор этого письма, действительно, могла надеяться лишь на чудо: комнату, незадолго до того освободившуюся в той же многонаселенной квартире, уже отдали имевшим больше прав (или более удачливым) конкурентам. В этом тексте нет призыва к адресату восстановить поправную справедливость и удовлетворить законные права; в действиях автора проявляется скорее надежда на собственную удачливость и расторопность: а вдруг вовремя написанные письма позволят как-нибудь переиграть конкурентов, хотя бы и обладающих большими основаниями на получение жилплощади. В таких условиях рассылка писем одновременно в несколько инстанций особенно напоминает одновременную покупку нескольких лотерейных билетов.

Подводя итог краткому рассмотрению особенностей построения, языка и структуры аргументации жалоб, еще раз сформулируем несколько существенных закономерностей, проявившихся в описанном нами материале. Прежде, впрочем, необходима одна оговорка: временной промежуток, к которому материал относится, — 1952–1968 годы — был выбран исходя из нескольких соображений: во-первых, это годы оттепели (на которые, как можно было предположить, приходится сравнительно большая свобода общения граждан с властями) плюс небольшой период перед ними и после них; во-вторых, это классический период коммунальных квартир, когда жилищный вопрос стоит очень остро, но война все-таки

⁵² Обратим внимание на то, что в этом послании (довольно кратком — процитирована примерно его половина) с его льстивым псевдобезыскусным стилем, имитирующим личное письмо к знакомому, большая часть текста посвящена «игре в дружбу» с министром культуры и рассуждениям о том, как доходят письма и почему министр не ходит в гости; на эти нарочито наивные строки приходится больше половины письма. Кроме просьбы о дополнительной комнате в той же коммунальной квартире автору явно нечего сказать. Чтобы как-то просьбу декорировать, компенсируя отсутствие статуса, который позволял бы рассчитывать на привилегии, автору приходится упомянуть еще и культурность, счастье людей во всем мире и дороги, ведущие в коммунизм.

уже несколько лет как позади; в-третьих, это чисто техническое обстоятельство: ближе к рубежу семидесятых изменяется порядок архивного хранения жалоб и обращений граждан, и жалобы по жилищному вопросу больше не сохраняются в фондах Ленгорисполкома, имеющих в ЦГА. Несмотря на содержательные отличия текстов начала и конца этого периода, в интересовавшем нас в данной работе смысле материал этот оказывается достаточно однороден.

Реальность, к которой отсылают тексты, выстраивается в ходе попытки презентации автором в желаемом свете себя и своей жизненной ситуации средствами, изначально принадлежащими к разным дискурсам и, соответственно, отражающими реалии разного порядка. Тексты жалоб и заявлений могут сочетать в себе признаки текстов разных жанров и даже разных сфер письменности: это и заявление в адрес начальника, и личное письмо, и предназначенное для публикации письмо в газету, а также передовая редакционная статья и фельетон. Функциональная обусловленность такого сочетания не вполне объясняет наблюдаемое разнообразие; в значительной части текстов словесное творчество автора выводит мозаичное совмещение элементов на качественно новый уровень, помещая на передний план поэтическую функцию языка. Применительно к таким текстам по отдельности — и к их совокупностям — исследователь в той или иной мере получает право говорить о специфической картине мира, специфическом представлении времени, об образе социального пространства, образах персонажей, автора и адресата.

Мы упомянули выше лишь некоторые из этих категорий. Среди них — образ автора, средства формирования которого весьма разнообразны — от оформления послания, формата и качества бумаги, почерка (или машинописи) до владения орфографией и выбора стилистического ключа. Важное место здесь принадлежит разделу письма, содержащему данные о биографии и социальном положении автора; отсутствие такого раздела выглядит непривычно и может создать у адресата ощущение, что автор пытается скрыть сведения о собственной биографии. Задача биографического раздела — связать жизнь конкретного человека, заявителя, с жизнью страны и обосновать право заявителя на обращение за порцией благ, по тем или иным причинам ему не доставшейся.

В картине мира, стоящей за языком жалобы, адресат жалобы выступает посредником между автором и государством в обстоятельствах, когда непосредственное обращение автора к государству в лице чиновников жилищных органов не принесло желаемого результата. Желаемым для автора результатом является коррекция частного случая распределения государством благ между гражданами — процесса, давшего, по мнению автора, в его случае сбой. Опираясь на логику обмена между индивидом и государством, автор трактует создавшуюся ситуацию «недостачи» как нарушающую установленный порядок распределения благ и, шире, порядок вещей, а потому и как частное проявление потенциальной угрозы

обществу в целом, чем и мотивируется обращение к высокому руководителю. В случае жалоб по жилищному вопросу жилплощадь как предмет жалобы выступает символическим заместителем жизни человека: будучи ресурсом, обеспечивающим повседневную жизнь, жилплощадь позволяет человеку жить и другой, не повседневной и не потребительской, а продуктивной производственной и общественной жизнью, приносить пользу обществу.

Специфический временной аспект логики распределения и обмена подразумевает, что прошлая жизнь человека и членов его семьи, вписанная в контекст исторических событий, проецируется на настоящее в виде тех или иных прав и привилегий; применительно к жилищному вопросу особым источником прав мыслится давность проживания в данном месте. Актуальность прав возрастает в отмеченных точках годичного цикла, связанных с памятью об исторических событиях, в периоды юбилеев, а также в символические моменты, соответствующие идеологически нагруженным ритуальным периодам в жизни общества — съездам партии и выборам. Эти моменты и периоды, фиксирующие новые ступени постоянного роста общего количества благ, открывают возможность эффективной коммуникации с властью с целью дополнительного распределения этих самых благ.

При этом получение дополнительной жилплощади оказывается далекоим, отсроченным результатом обращений граждан по жилищному вопросу; успех обращения чаще всего заключается в признании прав нуждающегося и включении его в список назначенных к получению благ в будущем («постановка на очередь»). С другой стороны, в определенных условиях завладение благами может предшествовать легитимации, поэтому коммуникация с властью может носить экстренный характер и быть приурочена к незапланированной, вдруг открывшейся возможности что-то получить раньше конкурентов.

Наиболее существенными представляются наблюдения, касающиеся языка жалоб и тех явлений, которые возникают на границах стилистических пластов, иногда сталкивающих грамматику с семантикой в такой степени, что возникает эффект абсурда в грамматике — абсурда, порождающего, однако, новые понятия; этот эффект был точно подмечен И. Бродским в его послесловии к «Котловану» А. Платонова (Бродский 1973). Разумеется, тексты Платонова используют в качестве выразительных средств явления значительно более разнообразные, заостренные и доведенные до предельной степени проявленности; естественно, что лишь отдельные характеристики языка произведений А. Платонова, установленные исследователями⁵³, — те, что нарушают нормы литератур-

⁵³ См. классификацию языковых аномалий в текстах А. Платонова с точки зрения «процессуального подхода», то есть своеобразной модели работы автора над словом, в статье: Кобозева, Лауфер 1990.

ного языка и изложения, — находят параллели в текстах рассмотренных писем. Такие тексты преимущественно — но не исключительно — принадлежат перу авторов, плохо владеющих литературной письменной речью, но стремящихся найти наиболее эффективные формулировки с использованием фрагментов разного рода клише. Таким образом, можно утверждать, что по крайней мере в некоторых случаях мы имеем дело не с речевыми ошибками, не с побочным результатом плохого владения нормами литературного языка, а с функционально обусловленными аномалиями, с использованием потенциальных свойств языка. И потому отдельные параллели с приемами, использованными в текстах А. Платонова, не случайны.

В жалобах и заявлениях потенции «советского языка» могли становиться инструментом творчества; именно тут мы можем в весьма концентрированном виде почувствовать языковую специфику, растворенную в других сферах и жанрах, в которых наивное письмо черпало материал⁵⁴. В глазах исследователя роль посланий (в том числе и жалоб) граждан властям для понимания закономерностей письменной речи простого советского гражданина сравнима с ролью коммунальной квартиры для понимания стереотипов культуры советской повседневности.

Литература

- Бродский 1973: *Послесловие* // Платонов А. Котлован. Ann Arbor, 1973. С. 162–164.
- Винокур 1982 (1923): *Винокур Г. О.* Поэтика. Лингвистика. Социология (Методологическая справка) // Поэтика. Труды русских и советских поэтических школ / Сост. Кирай Д., Ковач А. Будапешт, 1982. С. 152–158.
- Волков 1974: *Волков С. С.* Лексика русских челобитных XVII века. Л., 1974.
- Кабаков 1993: *Кабаков И.* На коммунальной кухне: Новые документы и материалы. Paris, 1993.
- Кобозева, Лауфер 1990: *Кобозева И. М., Лауфер Н. И.* Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1990. С. 125–139.
- Левин 1998: *Левин Ю. И.* От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 392–419.
- Лотман 1992 (1977): *Лотман Ю. М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 248–268.
- Неклюдов 2001: *Неклюдов С. Ю.* (сост.) «Наивная литература»: Исследования и тексты (Московский общественный научный фонд. Научные доклады. 129). М., 2001.

⁵⁴ Интересная параллель жалобам в этом отношении — язык объявлений в коммунальных квартирах (см. примеры в книге Кабаков 1993).

- Сандомирская, Козлова 2001: *Сандомирская И., Козлова Н.* «Наивное письмо» и «наивная» Родина // Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001. С. 115–143 (Wiener Slawistischer Almanach. Sb. 50).
- Утехин 2003: *Утехин И. В.* Происки «постороннего». Из материалов по жилищному вопросу // Россия/Russia. Вып. 4 [12]: Образ врага. М. (в печати).
- Fitzpatrick 1996a: *Fitzpatrick S.* Supplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s // *Slavic Review* 55. No. 1 (Spring 1996). P. 78–105.
- Fitzpatrick 1996b: *Fitzpatrick S.* Soviet Letters of Denunciation of the 1930s // *The Journal of Modern History*. Vol. 68. Issue 4 (Dec. 1996). P. 831–866.
- Kozlov 1996. *Kozlov, Vladimir A.* Denunciation and Its Functions in Soviet Governance: A Study of Denunciations and Their Bureaucratic Handling from Soviet Police Archives, 1944–1953 // *The Journal of Modern History*. Vol. 68. Issue 4 (Dec. 1996). P. 867–898.
- Seifrid 1987. *Seifrid T.* Writing against Matter: On the Language of Andrej Platonov's *Kotlovan* // *The Slavic and East European Journal*. Vol. 31. Issue 3 (Autumn 1987). P. 370–387 (см. эту статью также в русском переводе И. Прохоровой в книге: Андрей Платонов: Мир творчества. М, 1994. С. 303–319).